
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первины поэта рѣдко позволяютъ цѣнителямъ поэзіи вынести убѣжденный и убѣдительный приговоръ о новомъ дарованіи. Не завершительныхъ достижений справедливо ищемъ мы въ этихъ начальныхъ опытахъ, но намѣчающихся возможностей будущаго развитія. Поэтому естественно спросить себя, при оцѣнкѣ первой книги стиховъ, прежде всего о томъ, принадлежитъ ли она вообще искусству или вовсе чужда ему; если же поэзіи причастна, — то какова степень зрѣлости художника. И правыми кажутся намъ критики, склонные разрѣшать исходный вопросъ о принадлежности искусству въ утвердительномъ смыслѣ на основаніи одного, быть можетъ, но истиннаго стихотворенія и пусть немногихъ, но строго-художественныхъ строкъ, достаточныхъ, по ихъ мнѣнію, чтобы оправдать и несовершенное въ цѣломъ твореніе начинающаго стихотворца. Рѣшающимъ же, во всякомъ сужденіи о новомъ дарованіи, является, несомнѣнно, живое впечатлѣніе его выявляющейся самобытности.

Книга, на которую «Оры» привлекаютъ вниманіе любителей поэзіи, въ такой мѣрѣ — по убѣженію пишущаго эти строки — превышаетъ уровень выше намѣченныхъ требова-

ній, что о ней можно говорить уже какъ о произведеніи возмужалаго и во многомъ характерно, если еще и не окончательно, опредѣлившася таланта. Нельзя не разслышать въ стихахъ г. Валеріана Бородаевскаго того, что Стефанъ Георге означаетъ выраженіемъ: «собственный», т. е. единственно данному поэту свойственный, собственно ему присущій, «тонъ» *). И впечатлѣніе этой своеобразности лирическаго тона на тѣмъ ярче, что В. Бородаевскій вообще чуждается какой бы то ни было манеры, т. е. преднамѣреннаго примѣненія типически-выработанныхъ внѣшнихъ приѣмовъ изобразительности. Форма его стиховъ чаще всего привлекательна соединеніемъ обдуманности и рѣшительности, своею емкостью, вѣскостью и своеобразною остротой эстетическаго дѣйствія, подчасъ же и счастливою новизной словеснаго и звукового изобрѣтенія; но поэтъ съ равною свободой и мѣрой пользуется преданіемъ и новшествомъ, не боясь быть заподозрѣннымъ ни въ зависимости отъ старыхъ образцовъ, ни въ подражательности современникамъ, ни въ литературномъ сектанствѣ, ни въ эклектизмѣ.

Это сочетаніе безпечной неразборчивости въ нарядѣ и поэтъ съ ясно выраженнымъ стремленіемъ къ формальной законченности и даже утонченности въ словесной передачѣ овладѣвшаго душой (всегда до глубины ея) музыкальнаго волненія — простирается изъ всепоглощающаго сосредоточенія

---

*) «Unsere Wahl hat nur die Verfasser getroffen, deren Ton ihnen so eignet, dass er keines anderen sein könnte, nicht solchen, denen einmal ein gutes Lied oder eine gute Reihe gelang.—Deutsche Dichtung, S. 4.

творческой энергіи на лирическомъ содержаніи, которое, будучи, въ предѣлахъ разбираемаго собранія стихотвореній, не только разнообразнымъ (для значительной части ихъ именно отличительна новизна замысла), но и какъ-бы внутренне антиномическимъ, естественно пріемлетъ разнovidныя формы.

Какой-то глубокой, почти — сказали бы мы — манихейскій дуализмъ въ воспріятіи жизни и, безъ сомнѣнія, въ міросозерданіи автора есть первый двигатель его вдохновенія. Подобно пѣвцу «Цвѣтовъ Зла», поэтъ не принадлежитъ къ мистически успокоенному множеству образованныхъ людей современности, съ легкимъ сердцемъ повбрызвшихъ въ формулу: «по ту сторону добра и зла», — такъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ поняли, что говорилъ Заратустра. Противорѣчія жертвенности и преступленія, любви и жестокости, неба и ада, крылатаго духа и змѣиной плоти не безстрастно-философское выраженіе нашли въ стихахъ В. Бородаевского, но вызвали къ жизни его красочный импрессионизмъ и его трагическія видѣнія, его подлинныя молитвы и его глухой, подавленный, порой злорадный ропотъ, и эти раскаянія, въ которыхъ слышится неукрошенная гордость, и эти мимовольныя и мимолетныя умиленія, и эти улыбочивыя идилліи на черномъ фонѣ.

Не современная, а какая-то архаическая закваска душевной раздѣленности и равнаго влеченія воли къ идеалу аскетическому и къ искушеніямъ «искусителя» заставляетъ поэта переживать каждую полярность сознанія въ ея метафизически послѣдней и чувственно крайней обостренности. Онъ не знаетъ, что краше — бѣлое или черное, — оно же побѣдительно, неотразимо красное; что плѣнительнѣе, что соблазнительнѣе — все

страстное и огненное и жестокое или все похоронно-лазурное и благостно-отрѣшенное; что усладительнѣе — быть распинаему или распинать... Но онъ не изъ легіона тѣхъ модныхъ богоборцевъ и «бездниковъ», которымъ подобная психологія была бы вождѣльна, какъ матеріалъ или только предлогъ для словесныхъ дерзаній и кощунственныхъ декламацій и провокацій: критикъ подслушиваетъ тайное поэта, онъ читаетъ между строкъ, строки же говорятъ совсѣмъ иное.

Поэтъ настойчиво утверждаетъ бѣлый идеалъ и съ чистомонашескою мнительностью готовъ заподозрѣть, какъ мать соблазновъ, самое красоту, самое поэзію. Въ этомъ византійцѣ духа, мнится, еще живетъ и ищетъ вновь сказаться позднимъ отступникамъ страшнаго преданія весь золотой и багряный хмель ослѣпителей-деспотовъ и весь міроненавистнической фанатизмъ ересіарховъ-иконоборцевъ. Душа, влюбленная въ двѣта, какъ будто долго томилась она, слѣпая, въ подземныхъ рудникахъ, грустящая полутѣнями блѣдныхъ красочныхъ гаммъ и жизненно ликующая упоеніемъ огня и багреца, такъ опьянительно влекущаго по милому черному «своей алыи, алыи путь», — хотѣла бы опять ослѣпнуть на жестокое, царственное солнце и погрузиться въ одно серебряное и лазурное, — хотѣла бы, и не можетъ. И съ ужасомъ вскрываетъ въ себѣ новое противорѣчіе — противорѣчіе пламени и льда, — и не знаетъ сама, изъ пламени ли она, или изъ льда. Мертвеннымъ холодомъ души обличается обращеніе къ «благостной Книгѣ»; но и «червонная печать Антихриста», и червленецъ «Византіи», — не багряныя ли только маски того же холода — эти метаморфозы черноты? — ибо черенъ холодъ, и вѣчная ночь покрываетъ

сатанинскіе льды, откуда безсилно лижущими мракъ языками прорывается невещественное пламя.

Такова на нашъ взглядъ природа этой лирики, столь отзывчивой на все, насъ окружающее и мучащее, и вмѣстѣ столь глубоко несвоевременной. Въ этой «несвоевременности» мы усматриваемъ важнѣйшій признакъ самобытности поэта. Будучи чуждымъ по духу большинству просвѣщенныхъ людей нашего вѣка и общества онъ тѣмъ ближе къ сознанию народному. Вся книга написана, въ сущности, о религіи, хотя религіозная тема затронута въ ней, повидимому, лишь бѣгло и случайно. Но отношеніе къ религіи у В. Бородаевского иное, чѣмъ у столь многочисленныхъ нынѣ искателей религіознаго смысла жизни. Поэтъ не мыслью ищетъ и узнаетъ въ мірѣ Бога и Діавола, но всю жизнь ихъ испытываетъ: слишкомъ вѣдома ему ихъ борьба, поле которой, по Достоевскому, — человѣческое сердце. И смерть для него — только «погребальный маскарадъ»... Но многіе ли поймутъ изъ этой книги «страстныхъ свѣтчъ», въ которой отпечатлѣлась борьба, но еще не означилась ясно исходъ, — почему лишь послѣ этихъ обрѣтеній уже не смутно прозрѣвающей вѣры, а отчетливаго духовнаго зрѣнія впервые, повидимому, представился поэту, во всей своей неотразимости и глубинѣ, вопросъ о пути?

Май 1909.

Вячеславъ Ивановъ.